авторов (Паскаль, Малерб, Корнель, Вольтер, Руссо, Колардо), имеет «нейтральный» характер. Что же касается посвящений, то почти все они обращены к друзьям и современникам Глинки и потому придают «Юнговым Ночам» своеобразное звучание, как бы переадресуя их русскому читателю.

Более того, в некоторых случаях Глинка производит замену ряда тем. Так, вместо обращения к жене «Ночь» пятая открывается у него «воззванием» к матери:

Итак, уж для тебя не существует время;
Ты в вечности! А я, влача страданья бремя,
Все узы счастия со светом разорвал:
В твоей мне смерти рок удар последний дал.
Лишась отца, еще крепился я тобою;
Ты заменяла мне вселенную собою
и т. д. [29]

Эту вольность Глинка счел необходимым объяснить в своем предуведомлении: «Юнг, — писал он, — в начале сей ночи обращается к своей супруге; я осмелился заменить сие воззвание воззванием к матери моей. Надеюсь на благосклонность читателей. Кого не обезоружит имя матери? Оно составляло все счастие моей жизни, и я приношу ему единственный мой дар: изъявление сердечных чувств. Нежнейшая мать! Среди превратностей моей жизни, под игом необходимости я не всего лишен: я живу напоминанием о тебе!».[30]

Наконец, перевод Глинки был стихотворным. В этом он как будто приближался к Юнгу. Но близость эта была только внешней. Александрийский стих Глинки вполне соответствовал французской прозе Летурнера и отнюдь не напоминал лаконичного десятисложника английского оригинала, которого русский переводчик никогда не читал.

Одновременно с русскими переводами «Ночей», восходящими к всевозможным французским текстам, с конца 1770-х годов постепенно начинают появляться переложения с немецкого, а затем и с английского языка.

В немецких литературных кругах имя Юнга получило известность уже в середине 1740-х годов, т. е. вскоре после выхода в свет его поэмы (отдельные сведения время от времени проникали в Германию и раньше). В 1751 г. вышел прозаический перевод семи первых «Ночей» на немецкий язык, сделанный Иоганном-Арнольдом Эбертом. В следующем году этот перевод был дополнен и затем неоднократно переиздавался (1753, 1756, 1763). Предпринимались также попытки (во всех случаях незавершенные) осуществить стихотворный перевод поэмы: двенадцатисложником (Гейзау), гекзаметром (Чарнер и Кайзер), трохеическим окта-

[29] Юнговы Ночи, стр. 67.
[30] Там же, стр. 63.